

Борис Мессерер

Промельк Беллы

Сергей Параджанов

Виноват в том, что – свободен

В 1969 году я приехал в столицу Украины по приглашению Киевского театра оперы и балета для оформления «Кармен-сюиты» на музыку Ж. Бизе – Р. Щедрина. Это была версия балета, поставленного в Большом театре в 1967-м. Спектакль в Киеве готовил Александр Плисецкий, мой двоюродный брат и родной брат Майи и Азария Плисецких.

Жил я в гостинице «Театральная» на площади напротив театра и привычно ходил туда на репетиции и в производственные мастерские, где делались декорации. В Киеве я бывал неоднократно. С прошлых приездов у меня сохранился широкий круг друзей, и мы довольно бурно проводили время. В наших разговорах то и дело всплывало имя Сергея Иосифовича Параджанова, с ним были связаны тысячи историй – он уже тогда был легендой. Но наше знакомство все никак не складывалось.

В этот раз один из моих друзей, Семен Пресман, стал настойчиво звать меня к Параджанову. Когда мы пришли, у него уже сидели две пожилые интеллигентного вида дамы. Оказалось, что они – научные сотрудницы ленинградского Эрмитажа. Неожиданно в квартире возник юноша с вихрастой головой – сын футболиста Андрея Бибы (звезды киевской команды «Динамо»). Потом появился поэт из Львова (как подчеркивал Сережа – католик), почему-то в белой тройке. Следом за ними – три красавицы актрисы из драматического театра им. Ивана Франко...

И я – московский художник, еще тогда не друг, а просто почитатель таланта – вместе с моими спутниками Семеном Пресманом и Мишей Белоусовым, коренными киевлянами, хорошо знавшими Параджанова. С ними я когда-то познакомился в Макопсе, курортном местечке на берегу Черного моря, рядом с Туапсе. Там располагался Дом отдыха работников искусств. Семен Пресман по профессии был экономист, а по жизни – страстный игрок, проводивший все свободное время на ипподроме, а вечера за игрой в преферанс. Миша Белоусов, сын знаменитого актера Михаила Михайловича Белоусова, учился в Киеве на факультете международных отношений, но был богемным человеком. Они были близко знакомы с Параджановым.

Быть может, я оказался единственным из посетителей, кто точно соответствовал Сереже своими реакциями и ощущением происходящего. Так или иначе, он почувствовал, что у нас много общего. Я восторгался его фильмами с неповторимым индивидуальным видением мира, а Сережа «с пристрастием» расспрашивал меня о работе в киевском театре.

Жил Сергей Иосифович на верхнем этаже хрущевки, напротив гостиницы «Либідь», в крошечной двухкомнатной квартирке. В доме имелся лифт, который Параджанов однажды использовал в полном соответствии со своим характером. В день рождения он рассадил всех гостей на лестничных площадках за импровизированные столы и скамьи из ящиков и досок, а сам на лифте развозил закуски, напитки и чокался с гостями.

У Параджанова была впечатляющая внешность. Удивительно правильные черты лица, широко расставленные темные горящие глаза, черная короткая бородка с проседью и поразительное обаяние, которое ощущалось с первой минуты встречи. Он обладал какой-то кроткой, мягкой манерой общения – «манерой оболъщения», против которой нельзя было устоять, и редким чувством юмора, переходящим, как правило, в самоиронию – насмешку над самим собой. И я сразу проникся любовью к Сереже.

В его доме постоянно собиралась пестрая и разнокалиберная компания. К нему шли люди, так или иначе прослышавшие о чуде личности Параджанова. Шли так, как идут паломники к святому месту – в надежде если и не на исцеление, то на какое-то обод-

ряющее влияние этой могучей личности. Сережа всех привечал, интересовался, кто и откуда пришел, и пытался угощать, хотя накормить такое количество людей было невозможно. Быть может, это было первое, что меня поразило, – он всех привечал и угощал!

Все, что бы ни делал Параджанов, было исполнено изумительного артистизма: он потчевал гостей, преподнося им фрукты, уложенные кругами на огромном голубом антикварном блюде, наливал красное вино из большого кувшина с тонким изогнутым носиком в изысканной формы бокалы.

При этом он посматривал на пришедших особым взглядом, пронизавшим человека насквозь. Он на глазах создавал свой особый мир, отбирая тех, кто его понимал. Этому кругу людей удивительным образом соответствовал собранный Сережей мир вещей. Предметы, составлявшие среду обитания Параджанова, всегда имели отношение к искусству и были сделаны его собственными руками или руками мастеров прошлого времени.

Картин Сережа не рисовал, он творил коллажи, используя неожиданные материалы – предположим, вырезки из журнала «Огонек» – для создания причудливых китчевых композиций.

Он мог, например, наклеить на бархатную поверхность столешницы осколки случайно разбившейся старинной вазы, спонтанно создав причудливую композицию, превосходящую по ценности разбитую вазу, заставляя думать, что все это, включая гибель античной вазы, сделано по специальному плану, обдуманному заранее.

В те годы бутылки для кефира были стеклянные, с широким горлышком и закрывались крышечкой из тонкой металлической фольги размером с крупную монету. Из заключения Сережа принес целую гору таких крышечек с наколотыми простой иглой лицами сидевших вместе с ним уголовников. Кефирные крышечки он чернил сажей и разглаживал ложечкой, и они выглядели так, будто их только что извлекли из раскопок, – портреты эзков становились похожими на чеканные лики римских императоров с античных монет.

Когда мы прощались, Сережа взял с меня слово, что я непременно снова к нему приду. Замечу, что он вовсе не был всеядным и временами довольно сурово прощался с теми, кто был чужд ему

по взглядам или излишне навязчив. Ко мне он проявил особенную теплоту, вызвавшую и у меня желание с ним дружить. Я был потрясен его художественным миром, широтой общения и щедростью. Все это было близко мне, и я предвкушал возможность принять его в своей мастерской и познакомить с моими друзьями.

Сереза тогда только что вернулся из экспедиции в гуцульские деревни в Карпатах и был очарован наивным искусством этого края. Он привез массу рисованных ковриков, расписных прялок, глиняных свистулек и, конечно, народные костюмы, которыми он просто упивался. При этом он не был коллекционером – все, что привозил и так обожал, он широко раздаривал случайным гостям.

Через два дня, следуя его приглашению, я пришел с друзьями: балериной Валентиной Калиновской, танцевавшей Кармен в нашем спектакле, и Валеи Никулиным, повстречавшимся мне в киевской гостинице. С Валеи я подружился в годы работы в «Со-временнике», он в то время был очень популярен как киноартист.

Конечно, я принес с собой всякие угощения и напитки. Параджанов был чрезвычайно возбужден и подарил Валентине Калиновской какие-то замечательные этнические бусы, а Валеи Никулину – шубу, привезенную им с Карпат. Валея совершенно обалдел: актеры тогда получали крошечные деньги, и для него это был царский подарок. Он не мог справиться со своим волнением и разрыдался. Мы бросились его успокаивать, горячо уверяя, что Параджанов всем дарит шубы; благодаря нашим остроумам Валея пришел в себя и принял этот дар.

Поскольку я пишу о характере Серезы, то не придерживаюсь строгого хронологического принципа и сейчас хочу рассказать о тбилисском периоде его жизни.

В Тбилиси, куда он перебрался в конце семидесятых, Сереза жил на улице Котэ Месхи, 10, вместе со своей сестрой Анной. Это была взъерошенная полная дама преклонных лет, всегда находящаяся в процессе создания своей предполагаемой красоты путем накручивания скудных волос на бигуди. Одевалась она по-домашнему, в многослойном стиле: на ней одновременно уживались различные кофточки, душегрейки и фартуки. Она являла собой образ женщины – хранительницы очага. Сереза все

время над ней подтрунивал, но она держала жесткую оборону и воинственно реагировала буквально на каждое его замечание. И постоянно внимательно слушала из-за перегородки, о чем говорят за столом.

Однажды Сережа пытался подарить мне кольцо с бриллиантом. Я сказал, что никогда ничего от него не приму, потому что так мне легче с ним общаться. Мало того, я стал нарочито грозно выговаривать ему, что мне его подарки не нужны и что я просто люблю его как друга.

Анна, услышав о кольце, страшно напряглась, но после моего отказа не сдержала восторженного порыва, выскочила из-за ширмы и стала меня обнимать, целовать и говорить, что я самый благородный человек на свете.

Как-то раз мы с Сережей и одним из его друзей шли прохладным вечером в сторону гостиницы «Иверия». На мне был черный кожаный пиджак – предмет вожделения многих грузинских модников. Неожиданно Сережа, как бы испытывая меня, спросил:

– Борис, а ты можешь подарить свой пиджак моему другу?

Мгновенно я снял пиджак и отдал этому человеку.

Параджанов с восторгом воскликнул:

– Я всегда знал, что ты широкая натура, и я это очень ценю!

Параджанов был чистый человек, целиком посвятивший свою жизнь искусству. Он жил очень трудной жизнью, потому что создавать то искусство, которое он хотел, ему не давали. Его творчество раздражало советских начальников, оно никоим образом не вписывалось в рамки социалистического реализма, было глубоко аполитично и целиком сосредоточено на эстетических ценностях. Сережа тонко чувствовал красоту жизни и старался донести свое чувство прекрасного до зрителя. По отношению к начальству он обладал абсолютной неуступчивостью. Не существовало силы, которая могла бы его заставить переделывать свои фильмы.

Разумеется, он не мог уложиться в прокрустово ложе той зарплаты, которую предоставляла ему профессия режиссера кино. Или еще точнее: в отсутствие зарплаты режиссера кино, потому что он все время находился в простое. И ему приходилось как-то

балансируют между полным безденежьем и тем артистическим времяпрепровождением, которое создавало необходимое настроение человека, пребывающего в гуще жизни.

Никакого интереса к деньгам как к богатству он не испытывал. Все, что он каким-то чудом доставал, выменивал и получал, он в тот же миг раздавал другим людям, оставляя себе лишь наслаждение от широты дарительного жеста.

Только это заставляло его радоваться, и только так он мог проживать свою жизнь.

Но поскольку он имел дело с предметами искусства и замечательно умел ценить красоту формы или красоту живописи, он в то же время знал их рыночную стоимость. И хотя для него это была игра, она давала ему кое-какие материальные средства и своим азартом доставляла удовольствие.

Однако такая жизнь требовала определенных контактов с «нужными» людьми, а они порой оказывались просто мошенниками. Параджанов же при своей жизненной сметке все равно оставался наивным человеком.

Однажды при мне к Сереже заявили совершенно темные люди, с которыми он вел какие-то переговоры. Я видел, как Сережа высыпал на стол содержимое маленького красного бархатного мешочка, в котором у него хранились драгоценности.

Среди этих вещей была (как утверждал Сережа) даже пуговица Наполеона в виде мухи с крылышками, средняя часть туловища которой была сделана из изумруда, головка из золота, а крылышки из прозрачной слюды с прожилками из платиновой проволоки. Сережа очень гордился этой диковинкой. Кроме этого шедевра в мешочке находились колечки с бриллиантами и другие мелкие ювелирные изделия.

Некоторое время знакомые Сережи разглядывали эти предметы, после чего один из них надел на палец перстень с бриллиантом и во время долгого разговора непрестанно им любовался. Затем ему понадобилось выйти в туалет. А надо сказать, что комната Сережи находилась на третьем этаже старого тбилисского дома, каждый этаж которого был окружен галереей с красивым резным деревянным ограждением. Туалет находился тоже на третьем этаже в конце галереи и висел, по существу, в возду-

хе. Человек с кольцом на пальце вышел в этот туалет и через несколько минут вернулся мрачный и уже без кольца:

– Сережа, ты понимаешь, я ничего не мог поделаться – кольцо упало вниз!

Гости замолчали и напряглись. Но Сережа лишь рассмеялся и сказал:

– Ну, значит, туда ему и дорога!

Конечно, мы, его друзья, могли лишь догадываться о том, как он делает «деньги из воздуха», но не считали возможным говорить об этом. Нам оставалось восхищаться независимостью его образа жизни и широтой характера и стараться помочь получить работу в кино.

Одна такая история произошла именно в те дни, когда мы познакомились, в киевский период жизни Сережи. В гостях у Параджанова оказался сын самого могущественного человека на Украине – ни больше ни меньше как первого секретаря Коммунистической партии Украины товарища Шелеста Петра Ефимовича. Это был всесильный вождь украинского народа. Его сын, хороший парень, уговорил отца принять Параджанова на предмет трудоустройства.

Сережа был настроен совершенно скептически. Он понимал, что такая встреча не может дать результата: снимать кино так, как он себе это представлял, ему бы никто не позволил, а взять какой-нибудь заваливающий сценарий он бы и сам не захотел.

Тем не менее, в назначенный день он явился в кабинет к Шелесту. По рассказу Сережи, Шелест принял его тепло, встретил у дверей кабинета и проводил к креслу у своего стола. При этом Шелест, который видел Параджанова впервые, сказал ему комплимент: «Я не знал, Сергей Иосифович, что вы такой красивый человек!».

Сережа поблагодарил. Дальше пошел разговор, который предсказывал Сережа, – о том, как давно он сидит без работы. И тогда Сережа, которому надоела докучливая елейная забота вождя украинского народа о его благосостоянии, поставив локти на стол генсека, подпер лицо руками. На каждом пальце обеих рук засверкали кольца с крупными бриллиантами.

Откуда Сережа взял или одолжил эти кольца, одному богу известно. Но совершенно оторопевший генсек прервал аудиенцию.

Впоследствии Сережа подарил мне фотографию Шелеста со своей надписью, сделанной вдоль галстука: «Скажи мне, кто твой друг, и я узнаю, кто ты!».

А еще у меня и сейчас хранится рисунок, присланный Сережей. Это иронический автопортрет, на котором автор письма стирает в тазу белье. Надпись под рисунком гласит: «Вор никогда не станет прачкой!».

В киевский период жизни тучи сгущались над Параджановым стремительно. Все его поведение было вызывающим. Каждый шаг становился известен властям. И каждый шаг говорил против него.

...Моя работа в Киевском театре оперы и балета подошла к концу. Я пригласил Сережу на премьеру «Кармен-сюиты», и он с энтузиазмом согласился. «Кармен-сюита» должна была идти во втором акте. Сначала давали одноактный балет «Пахита», в котором были заняты сорок балерин в белых хитонах и лишь один танцовщик, одетый в черное трико. Он исполнял главную партию. В антракте я увидел Сережу в фойе. Он стоял, окруженный пестрой группой зрителей, которые с большим интересом его слушали. А он в совершенно свободной и характерной для него манере ругал киевский балет: здесь совершенно не умеют танцевать, им надо еще учиться, учиться и учиться. Кто-то из близких ему людей, желая хоть немного загладить резкие высказывания Сережи, пошутил:

– Сережа, что ты все ругаешься? Ты посмотри, какие хорошенькие девочки танцуют.

На что Сережа громогласно заявил:

– Да что мне твои девочки? Мне одного этого мальчика хватает.

Конечно, это был его своеобразный юмор. Но каждое такое высказывание доходило до начальства, а начальство, как известно, юмора не понимает.

После окончания спектакля Александр Плисецкий, Валентина Калиновская и я раскланялись перед публикой. Я вышел в зал, встретился с Сережей, и он стал хвалить мои декорации и костюмы. (В дальнейшем мне довелось видеть эскизы балетных

костюмов, сделанные им самим, которые, с моей точки зрения, были выполнены замечательно свободно и артистично.) Небольшой компанией мы отправились в ресторан. Для Сережи это был подвиг – он очень редко бывал в ресторанах.

Мы ужинали под смешные комментарии Параджанова по поводу балета. Сережа был возбужден театром, публикой и нашим застольем. Несмотря на множество приходивших к нему людей, по сути, он был очень одиноким человеком.

Мы простились. И как оказалось, на долгие годы. Скоро пришло известие об аресте Параджанова и о том, что его квартира опечатана. Коммунистические власти предъявили Сереже обвинительное заключение из четырнадцати пунктов. Нечего и говорить, что обвинение целиком сфабриковали из липовых свидетельств. Но таково было время, и такова была плата за свободу поведения и за смелость его высказываний*. Ему дали пять лет. Все друзья Сережи очень переживали за него и думали, как ему помочь.

Годы, которые Параджанов проводил в тюрьме, постоянно отзывались болью в моем сердце. Я с ужасом представлял, как он там, среди уголовников, борется за свою жизнь. Сколько прекрасного в искусстве он мог бы сделать за это бессмысленно потраченное время!

Самое действенное участие приняла в судьбе Параджанова Лиля Юрьевна Брик. Круг ее общения во многом совпадал с моим. У нее бывали Майя Плисецкая, Родион Щедрин, Валентин Плучек и его жена Зина. Лили Юрьевна и ее муж Василий Абгарович Катанян жили в длинном новом доме, расположенном сразу за гости-

* В 1965-1968 гг. Параджанов вместе с другими известными деятелями украинской науки и культуры, протестуя против массовых политических арестов, обращался в высшие партийные и государственные органы с требованием разъяснить причины преследований украинских интеллектуалов и выступал за проведение открытых судебных процессов, которое должно было бы обеспечить справедливость рассмотрения дел. В 1968 г. его подпись под «Письмом 139 интеллектуалов» против незаконных политических процессов стояла первой. Неоднократно высказывался за соблюдение свободы слова в печати. Со свойственной ему склонностью к эпатажу Параджанов заявил однажды в интервью датской газете, что его благосклонности добивались аж два десятка членов ЦК КПСС. Эта рискованная шутка была напечатана и растиражирована по всему миру. Когда об этом стало известно в Кремле, была дана команда Параджанова посадить.

ницей «Украина». Вася, сын Василия Абгаровича, чрезвычайно остроумный и веселый человек, был близким другом Параджанова и моим другом. Известный кинооператор-документалист, впоследствии он достиг больших высот в хроникальном кино и даже стал лауреатом Ленинской премии. Он написал книгу воспоминаний о Сергее Параджанове «Цена вечного праздника» (М., 1994).

В доме Лили Юрьевны неизменно говорили о трагической судьбе Сережи Параджанова. Лиля Юрьевна хотела ему помочь и при этом ощущала за собой определенную силу, так как мужем ее сестры, французской писательницы Эльзы Триоле, был известный во всем мире писатель, общественный деятель, коммунист Луи Арагон. Его приезд все время откладывался, но в 1977 году он наконец-то прибыл в Москву и встретился с Леонидом Ильичом Брежневым. Эта встреча носила полуофициальный характер и произошла в правительственной ложе Большого театра во время антракта спектакля «Анна Каренина» с участием Майи Плисецкой. Перерыв длился недолго, но Арагон успел назвать фамилию Параджанова, которую записал какой-то помощник Брежнева. Конечно, сам Брежнев ничего о Параджанове не знал, но выслушал благосклонно. Через несколько минут Арагон зашел в гримерную Плисецкой и ей первой рассказал об этом разговоре.

Разумеется, это Лиля Юрьевна настроила Арагона на соответствующий лад и добилась, чтобы он поговорил с Брежневым. У всех людей, следивших за судьбой Сережи, появилась надежда.

Сереже оставалось сидеть еще год, но ему грозил второй срок из-за разногласий с тюремным начальством. Благодаря заступничеству Арагона Сережу выпустили на свободу. Второго срока он бы просто не пережил.

Параджанова освободили 30 декабря 1977 года.

Москва

